

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

*Наталья Александровна РОГАЧЕВА –
доцент кафедры русской литературы
Института филологии и журналистики
Тюменского государственного университета,
кандидат филологических наук
russlit@utmn.ru*

УДК 2.821.161.1:504(527.12)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СИБИРСКОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИРИКИ*

METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING THE SIBERIAN TEXT OF RUSSIAN LYRIC POETRY

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы изучения русской лирики в составе сибирского текста и обосновываются принципы исследования исторической динамики его субъектной структуры.

SUMMARY. The author dwells upon problematic issues in the studies of Russian lyric poetry and explains the principles of investigating the historical dynamics of its subject structure.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Сибирский текст, история литературы Сибирского Зауралья, лирический субъект, перцептивный образ.

KEY WORDS. Siberian text, history of literature in the Siberian Trans-Urals, lyrical subject, perceptive image.

Актуальной задачей современного гуманитарного образования является формирование поколения молодых исследователей, сочетающих опыт мировой науки с традициями национальных научных школ. В ее решении особую роль могут сыграть вузовские научные центры, ориентированные на решение проблем, жизненно важных для конкретного региона, но при этом актуальных для России в целом. Исследовательский проект «Сибирь в русской поэзии XVIII — начала XX вв.: пространственный образ в свете исторической поэтики», поддержанный ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., логично вписывается в одно из основных научных направлений кафедры русской литературы Института филологии и

* Исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (ГК № П730 от 12.08.2009 г.).

журналистики Тюменского государственного университета. Цель настоящей статьи — рассмотреть содержание проекта в контексте региональных литературоведческих исследований сибирских филологов.

В июне 2010 г. состоялась презентация книги профессора кафедры русской литературы Института филологии и журналистики Тюменского госуниверситета Юрия Анатольевича Мешкова «Очерки литературы Сибирского Зауралья (Тюменские тетради)» [1]. Издание имеет безусловную региональную ценность: в контексте филологических исследований истории литературы нашего края хорошо виден во многом пионерский характер основательного труда автора, бывшего директором и главным редактором Института региональных энциклопедий. Наряду с известными работами Л.Г. Беспаловой, Л.В. Полонского, В.А. Рогачева, Е.Н. Эртнер, С.А. Комарова и др., «Очерки...» заполняют пробелы литературной карты Западной Сибири. Но практически впервые поставлена задача проследить историю литературы нашего края от истоков до современности, формируя ее целостный облик. С точки зрения замысла и полноты фактического материала это издание не имеет аналогов в истории изучения литературы Тюменского края. Л.Г. Беспалова выстраивает свои работы вокруг факта, скрупулезно реконструируя обстоятельства, связывающие произведение и биографию писателя с Западной Сибирью [2]. Л.В. Полонский, активный участник литературного процесса Тюменской области 1960-70-х гг., открыл писателей Тюменского Севера, показав своеобразие их поэтики [3]. В.А. Рогачев выявил диалогическую, альтернативную структуру современной культуры региона [4]. Но истории литературы Тюмени в ее хронологической последовательности и связанности фактов никто из названных авторов не создавал, хотя потребность в книге такого плана давно уже стала ощутимой.

Вторая задача, которая решается в книге, далеко выходит за рамки региональных интересов, потому что касается вопроса о статусе территории на литературной карте России и методологии изучения локальных текстов. Обсуждение этих проблем еще предстоит, однако обращение к ним глубоко обоснованно. Неопределенность места, которое занимает литература Западной Сибири в системе русских локальных текстов, как отмечено во введении, до сих пор сказывается в оценке и интерпретации и отдельных произведений, и литературного процесса в целом [1; 12-13]. Более того, литературная история края разрывается на части по мотивам геополитического характера: вслед за административными перекраиваниями карты новые формы получает и культурный ландшафт региона. Ю.А. Мешков выразил свою позицию в заглавии книги: «Сибирское Зауралье», представляя взгляд на литературу края сквозь призму современной геополитики, когда область (уже не впервые) включена в систему Большого Урала.

Насколько сама литература соответствует такому взгляду? «Первая тетрадь» книги отвечает на этот вопрос, так как погружает читателя в конфликт, лежащий у истоков истории Сибири. Две летописи — Строгановская и Кунгурская (Ремезовская) — создали две версии освоения края, отразили два взгляда на его «место» в российском пространстве — со стороны России, форпостом которой служил Урал, и со стороны Сибири. Данный конфликт сыграл ключевую роль в «эстетическом самоопределении» сибирской литературы. К.В. Анисимов, чью позицию во многом разделяет Ю.А. Мешков считает, что полемика между двумя крупнейшими сибиреведами начала XIX в. — П.А. Словцовым и Г.С. Спасским определила идеологию сибирских областников. Предметом полемики был исторический смысл того сравнительно небольшого пространства, которое

первоначально составляло всю Сибирь, а позднее оказалось ее периферией [5]. Неудивительно, что и К.В. Анисимов, и Ю.А. Мешков для названия этой территории прибегают к термину Зауралье, но характеризуют литературу, возникшую здесь, как «сибирскую». Позиции исследователей отражают антиномическую природу художественного материала. До тех пор, пока Урал воспринимается как метонимия России (ее граница), конфликт, по сути, выражает универсальное противоречие между центром и периферией, отличающее любые провинциальные тексты русской литературы.

Художественная словесность, которой посвящены «Очерки...», органически входит в единый «сибирский текст» русской литературы. Автор книги занимает активную позицию в спорах о предмете и принципах его исследования. Признавая справедливость суждения, что понятие «сибирский текст» сложное и в своей сложности «амбивалентное» [6], отметим две тенденции, характерные для описания локальных текстов русской литературы в целом. Предметом первого типа исследований служит «изучение литературного интертекста в качестве специфического надтекстового образования» [7; 252]. Начало этого научного направления было положено в работах В.Н. Топорова о «петербургском тексте» [8]. Сегодня оно представлено в разветвленной области филологических и культурологических работ о «столичных» и «провинциальных» текстах, объединенных мифологией и мифопоэтикой «места». Ее методологическое обоснование было предложено В.И. Тюпой в работе «Сибирский интертекст русской литературы»: «Если обычный текст является структурой синхронической и синтагматической, то транстекстуальные феномены <...> диахроничны и асинтагматичны» [7; 253]. По словам исследователя, подобные образования «палимпсестного характера» аналогичны мифу и, следовательно, единство их поэтики находится в «предметно-смысловом единстве данного культурного топоса» [7; 253], в его «мифологическом субстрате» [7; 254].

В таком случае исходными компонентами, составляющими «сибирский текст», могут выступать разнородные источники — как художественные, так и научные, публицистические, документальные, вплоть до случайных текстовых образований (например, надписей на стенах). Основным предметом анализа и интерпретации служит художественное пространство в его соотнесенности с пространством, которое условно можно определить как «реальное», «действительное» пространство Сибири (по существу же это пространство науки — географическое, биологическое, историческое, либо пространство жизни, обыденности). Такое пространство, прочитанное как текст, входит в состав изучаемого объекта. Этот момент двойственности локального «текста» и «текста о нем» был отмечен в работах В.Н. Топорова [8], он составляет важнейший аспект семиотических исследований пространственных моделей мира [9] и определяет область геопэтики [10]. Более того, структурный анализ мифа (и, следовательно, «мифологического субстрата» локального текста), как показал французский этнологу-структуралист К. Леви-Стросс, требует учета максимально большого числа его вариантов, ибо только тогда выступает на поверхность структура. Единицей исследования здесь выступает не слово и не сюжет или мотив, а «пучок отношений» — мифема, причем «только в результате комбинаций таких пучков составляющие единицы приобретают функциональную значимость» [11; 220].

Второе направление исследований «сибирского текста» теоретически обосновано в работе А.С. Янушкевича «Сибирский текст: взгляд извне и изнутри» [6]. Прежде всего отметим, что автор, один из крупнейших знатоков истории литературы Сибири, считает ядром сибирского текста произведения писателей,

биографически связанных с Сибирью. Поэтому категории «сибирская литература», «литература Сибири» и «сибирский текст» могут выступать как синонимы. А.С. Янушкевич продолжает научную традицию исследования сибирской литературы, заложенную трудами М.К. Азадовского [12], где сибирская литература рассматривается как «участок общерусской литературы, отображающей на краевом (местном, областном) материале ее общий путь развития... <...> Наблюдаемые же в ней специфические черты и особенности являются лишь результатом «конкретной обстановки и условий» [13; 163] социальной жизни.

Принципиальная новизна подхода современного исследователя обусловлена переосмыслением содержания базовых категорий, в первую очередь категории «сибирского текста» как «историософского и историко-культурного понятия». А.С. Янушкевич пишет: «Именно это взаимодействие местного (сибирского) и общерусского – ключ к пониманию своеобразия и проблематики, и поэтики литературы Сибири, дихотомии сибирского текста русской культуры» [6; 228]. Локальный текст русской литературы носит диалогический характер, обнаруживающий себя в исторической перспективе, в диахронии, когда очевидными становятся диалогические отношения между региональным и общерусским литературным процессом. В формировании темы и образа Сибири в русской культуре сибирская литература обладает приоритетом: ключевые мотивы и образы сибирского локуса первоначально возникли в произведениях сибирских писателей и лишь позже вошли в художественное сознание так называемой «большой литературы».

Сибирский текст задает перспективу в развитии не только сибирской темы, но и всей антропологической проблематики русской литературы: «Русская литература, взаимодействуя с сибирской литературой, обогащалась не только новым материалом, но и расширяла свое антропологическое пространство. Ее гуманистическое содержание обрело особую пронзительность и остроту, впитывая историю каторги и ссылки, судьбу отверженных. Сибирские просторы, вольные сибирские типы, не закабаленные крестьяне и замкнутое пространство пересыльных тюрем, «мертвых домов каторги и ссылки» искалеченные судьбы — все это превращало казалось бы локальный сибирский текст в своеобразный метатекст» [6; 234]. Причем предметная область изучения «сибирского текста» формируется именно через диалог — для филолога объектами описания выступают не точечные произведения, а отношения между ними, то есть те самые «пучки смыслов», в которых пересекаются тексты, образуя «метатекст» — текст о тексте, о его истории.

Различие двух позиций заключается в отношении к персонологическому аспекту «сибирского текста». Интертекст образуют, как известно, такие межтекстовые связи, где на первый план выступает бессознательное: «Решающая роль здесь принадлежит независимому от индивидуального сознания писателя мифологическому субстрату, питающему единую мифотектонику всего палимпсестного ряда произведений» [7; 254]. Диалогичность, напротив, предполагает, что через нее осуществляется процедура идентификации сибирского художника по отношению к русской культуре и — наоборот — русского писателя по отношению культурному пространству, которое находится за границей или на границе русского, понимаемого как часть европейской культуры.

Принципиально, что подходы, доминирующие сегодня в исследованиях сибирского текста, не исключают друг друга, позволяя высветить разные смысловые слои одного феномена. Пути к выявлению его структуры соотносятся по принципу дополнительности, и в первую очередь заметим, что художественная

семантика Сибири исторически изменчива. Исследователи так или иначе учитывают проблему диахронности сибирского текста. Именно диахронические варианты мифа образуют нарративную последовательность, через которую выговаривает себя структура (неслучайно К. Леви-Стросс сравнивает миф с симфонией). Но миф принципиально неисторичен, более того — он составляет альтернативу истории. В статье А.С. Янушкевича диахрония понимается в историческом, историко-литературном аспекте. Автор обособляет внутри единого текста хронологические образования, предлагая детальный анализ романтической эпохи в истории сибирской словесности. Через диалог с русской литературой локальный текст приобретает историчность, а хронологически дифференцированные срезы текста выступают как показатели его динамики [5, 6, 14]. В «Очерках Сибирского Зауралья» история является одним из главных персонажей: читателю предоставляется возможность реконструировать путь западносибирской словесности от ее мифотектонического ядра к периферии, от универсального конфликта к дифференцированному, многожанровому и личностному творчеству писателей-сибиряков.

На первый план выступает субъект художественного слова как носитель ценностно-завершенной позиции по отношению к пространству, пронизанному множеством «голосов». Ю.А. Мешков ориентируется на научную традицию феноменологических исследований художественных ландшафтов, применяя принципы анализа локальных текстов, которые разработаны тюменскими филологами Е.Н. Эртнер и Г.И. Данилиной. Исследователи подчеркивают: «... авторское сознание проявляет себя в конфликте между писательским “я”, изначально тяготеющим к творческой свободе, и самим этим краем как непроницаемой “вещью в себе”» [15; 110]. Вопрос о том, кто говорит и кто смотрит, чем обусловлена точка зрения субъекта речи и субъекта восприятия края, позволяет по-новому оценить специфику сибирского ландшафта русской литературы. На наш взгляд, ключевую роль здесь должна сыграть лирика, поскольку это единственный род литературы, где субъект не скрыт за формой художественной кажимости, его жизненный и культурный опыт проявляет себя наиболее непосредственно. Заметим, что, прямо не настаивая на приоритете лирики в организации субъектной структуры сибирского текста, автор «Очерков...» высказывает суждение, которое еще будет оценено историками литературы: «...русская лирическая поэзия началась в 1622 году в Тобольске» стихотворением кн. Семена Шаховского «Молитва против разлучения супружества» [1; 88].

Лирическая составляющая «сибирского текста», естественно, уже его общего объема. Это связано с историей русской поэзии: как известно, она формируется только в XVII в. Тема Сибири входит в русскую лирику еще позже — самые ранние поэтические произведения сибирской тематики относятся к первой трети XVIII века. Сибирская топка объединяет произведения разных лирических жанров, стилевых течений и литературных направлений, творчество поэтов-сибиряков и писателей, биографически не связанных с Сибирью, произведения русской классики и тексты так называемого «второго ряда». В составе «сибирского текста» присутствуют как минимум два противоположных типа художественного высказывания: тексты, ориентированные на риторическое слово, топку, и тексты, разрушающие устойчивые формулы, являющиеся носителями индивидуально-стилевого начала. Исторически изменчивость сибирской топки коррелирует с динамикой способа восприятия пространства. В поэзии XVIII в. доминирует зрительное восприятие сибирского локуса и визуальная образность,

к концу XIX в. они уступают место другим типам сенсорных пространств — акустическому, ольфакторному, тактильному. Это изменение параметров перцепции отражает глубинные сдвиги, произошедшие как в восприятии Сибири, так и в художественной картине мира всей русской поэзии.

Инерция риторической культуры по отношению к поэтическому образу Сибири настолько сильна, что и в конце XVIII, и в начале XIX вв. ощущается влияние Ломоносовских формул. Изменяется не фигуративность сибирского ландшафта, а его модальность. Сибирь воспринимается как пространство, предназначенное для гибели русских героев, край, насильно взятый в плен и потому затаивший злобу и обиду на своих покорителей. В лирике романтиков образ не преодолел риторичности: он создается ресурсами «готового слова», рассчитанного на легкую узнаваемость символики, ее прозрачность для широкого читателя. В этом случае географические реалии ничего не меняют в смысловом наполнении ландшафта, который остается в рамках условно-литературного пространства с известными коннотациями мертвого мира, могилы, хаоса, конца света.

Но в границах романтического мотива изгнания происходит показательная метаморфоза субъектной организации сибирского текста русской лирики. Визуальный образ Сибири потерял свое доминирующее положение в лирике поэтов-декабристов, уступив место непосредственному изображению переживания, чувства человека, окруженного «чужим» миром. Намеренная деструкция телесного образа лирического субъекта в поэзии В.К. Кюхельбекера, нарушение коммуникативных связей с миром приводит к сосредоточенности на внутренних чувствах. Возникает характерное недоверие к зрению, в перспективе ведущее к развитию других сенсорных типов сибирского локуса. Замечательно, что данная тенденция проявляет себя и в лирике коренных сибиряков П.П. Ершова, Е.Л. Милькеева, М. Александрова.

Образ Сибири приобрел в русской поэзии Серебряного века историко-философское значение. В поэзии Н.С. Гумилева он воплощает идею вечности, как край, уподобленный Индии, столь же таинственный в своем молчании и неподвластный разрушительному действию времени. Северная Индия — идеал совершенного искусства, его «священная ложь».

Как видим, литературный образ Сибири получил не столько географическую, сколько историческую и историко-философскую семантику, содержание сибирского топоса определяют события и люди, а не природа как таковая. В истории России и в сюжете «русской идеи» Сибири отведена роль эсхатологического рубежа, она отмечает конец европейской истории России и начало нового летоисчисления, уже по азиатскому календарю. Эта трансформация смыслов была заложена в философских трудах В.С. Соловьева, в его идее панмонголизма, захватившей русских символистов И. Коневского, А. Блока, А. Белого и др. Историческая направленность пространственного образа проявилась в структуре поэтических текстов о Сибири. Отметим показательный уход поэзии от статических сибирских пейзажей к событийности, своеобразной «глагольности» сибирских лирических текстов. За ним стоит принципиальная новизна лирического освоения сибирской темы, трансформация внешнего образа в образ внутренний.

В поэзии XX в. складывается корпус произведений о Сибири метатекстового характера. Их предметом служит и история Сибири, и история русского переживания Сибири, история поэтического слова о ней. Основной конфликт

разворачивается в столкновении идей, концептов Сибири, в сфере ее понимания русским художником.

Поэтика метатекстуальности характерна для развертывания сибирской топики в творчестве сибирского поэта Леонида Мартынова. Он, как и Цветаева, осмысляет не просто историю Сибири, но и историю русского слова о Сибири. Мы обратимся лишь к одному мотиву, который, думается, является ключевым в сибирской теме стихотворений Мартынова.

Открытие и покорение Сибири изменило российское самосознание, высветив его азиатские корни, отдалив Русь от Европы. «Дщерь Азии» (П.А. Словцов) становилась страной не только «диких орд», но и «мирных» славян. «Медвежий край» — Русь — обрел в Сибири своего двойника. Поэты видели в ней «рабыню» и «тюрьму», «наперсницу» и «царевну». Край символизировал сокровенное начало русского характера: его склонность к кочевью. Центральным топосом Сибири стала река, бурное движение воды, устремленной к краю земли, краю жизни.

Сибирь — одно из «ключевых слов» русской культуры, семантика которого претерпевает исторические метаморфозы. На ранних этапах истории этого понятия оно исчерпывающе характеризует всю сферу «чужого» для православной, освоенной, иерархически структурированной российской культуры. В литературе XX века Сибирь понимается как глубинное смысловое ядро русской ментальности, исток русского национального характера, его субстрат, по сути — лик России, обнаруживающий себя как в структуре отдельной личности (в том числе и личности русского поэта), так и в закономерностях русского пути (эволюции «русской идеи»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мешков Ю.А. Очерки литературы Сибирского Зауралья (Тюменские тетради). Тюмень, 2010.
2. Беспалова Л.Г. Тюменский край и писатели XIX века: Очерки по литературному краеведению. Свердловск, 1970; Беспалова Л.Г., Беспалова Ю.М. Тюменский край и писатели XVI-XIX века. Екатеринбург, 1998.
3. Полонский Л.В. В семье единой: О творчестве писателей Обского Севера. Тюмень, 1982.
4. Рогачев В.А. Страна Тюмения в региональной литературе после 1985 г. Тюмень, 1988; Рогачев В. А. Такая культурная жизнь. Тюмень, 2004.
5. Анисимов К.В. Между Тобольском и Санкт-Петербургом: из истории эстетического самоопределения ранней сибирской литературы П. А. Словцов vs. Г. И. Спасский // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. Томск, 2008. № 3 (4). С. 64-72.
6. Янушкевич А.С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 227-235.
7. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М., 2008.
8. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 256-367.
9. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы / Гл. 1. О модели мира. М., 2009. С. 5-25.
10. Абашев В.В. Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность: Сб. статей. Екатеринбург, 2006. С. 17-30.
11. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова. М., 2001.

12. Азадовский М.К. Литература сибирская // Сибирская советская энциклопедия. Т. III. Ст. 163.
13. Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск, 1947.
14. Курдина Н.Н. У истоков сибирского пейзажа в русском романтизме // Литература Сибири: История и современность. Новосибирск, 1984. С. 14-26.
15. Данилина Г.И., Эртнер Е.Н. «Опыт земли»: Конфликтность экологического сознания в литературе Тюменского края // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 1. С. 109-115.
16. Рыбальченко Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины 20 века // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С.291-303.
17. Рогачева Н.А. На краю ойкумены: Западная Сибирь в русской литературе // Филологический дискурс: Вестник филологического факультета Тюменского государственного университета. Тюмень, 2000. Вып. 1. С. 37-42.
18. Якобсон Р.О. Разбор тобольских стихов Радищева // Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 228-236. То же / Подготовка текста, публикация и комментарий С.И. Гиндина // Первое сентября. Русский язык. 2002. № 40. Электронный ресурс